

Кромель стоял в торжественном строю небесного воинства, заворуженно глядя, как из беспредельной выси разворачивается и ложится прямо к их ногам золотая лестница.

Она спускалась из самого Эмпирея.

Эмпирей — вершина Обители ангелов, священный чертог, где покоится Творец. Там, помимо Самого Господа, дозволено пребывать лишь троим святым ангелам — детям, которых Бог сотворил лично. Даже для остальных обитателей небес они оставались недостижимым идеалом.

Вот только одно из трех великих мест пустовало уже полторы тысячи лет...

Кромель беззвучно вздохнул и опустил голову, сложив руки на груди в молитвенном жесте.

Господин Керуби и господин Офани полностью лишились сил, когда насильно пробивали Межмировые врата трех сфер. Шесть крыльев каждого из святых ангелов сомкнулись, соткав вокруг своих хозяев подобие светящихся коконов, от которых исходило мягкое, ровное сияние.

«Вы славно потрудились, дети мои».

Этот божественный голос, похожий на тихий вздох, отозвался в сознании каждого ангела. Небесное воинство склонилось еще ниже, благоговейно затянув ангельский хорал. Золотые ступени беззвучно пришли в движение, увлекая погруженных в глубокий сон Керуби и Офани обратно в высь Эмпирея.

Лишь спустя долгое время Кромель поднял голову и открыл глаза.

Через три дня мир людей преподнесет им свой самый драгоценный дар — Святого сына, чистейшего и благороднейшего из смертных. От одной этой мысли сердце ангела трепетно замирало.

Великий, достопочтенный, несравненный владыка Серафизель...

Обитель ангелов ждала этого дня слишком долго.

Посланники Обители ангелов и Обители демонов перед уходом оставили в мире людей две гигантские магические формации, начертанные бок о бок.

Магическая формация ангелов сияла чистым золотом. Её покрывала сложнейшая вязь астрологических символов: солнце, луна, созвездия переливались неземным светом.

Соседствующая с ней демоническая магическая формация багровела густой, словно настоящая кровь, краской. В самом её центре скалилась козлиная голова дьявола, окруженная жуткими ритуальными рунами.

Небожители вместе с демоном, именовавшим себя Шутом, объяснили смертным: это магические формации телепортации. Ровно через три дня, едва Святой сын и жертвенный дар вступят в эти магические формации, магия пробудится и перенесет каждого в назначенную обитель.

И вот трехдневный срок истек.

Магические формации покоились на широком мраморном помосте. Вокруг него уже яблоку негде было упасть: толпа бурлила, ведомая смесью праздного любопытства, суеверного ужаса, надежды и жажды зрелищ. Люди затаили дыхание, ожидая начала ритуала, ломающего все законы привычного мира.

Цю Юньаня вели на помост как колодника: руки и ноги стягивали тяжелые кандалы, звенела цепь.

Толпа внизу неистовствовала.

— Ха-ха-ха! Пошел вон туда, Цю Юньань!

— Сдохнешь в зубах повелителя демонов — хоть какая-то польза от тебя будет! Гордиться должен, урод!

— Твоя смерть спасет все человечество. Считай, вытянул счастливый билет! Ты же так рвался в чарты, так хотел стать звездой? Ну вот, отличный шанс войти в историю!

С каждым шагом вверх по ступеням цепи на ногах и запястьях Цю Юньаня глухо и тоскливо звенели.

Он обернулся, равнодушно скользнув взглядом по беснующейся толпе. Происходящее живо напоминало ему средневековую охоту на ведьм — те же безумные, жаждущие крови лица. Однако сам он, будучи той самой «ведьмой», почему-то не испытывал ни страха, ни злости.

В его душе царил странная пустота, сменившаяся глубокой отстраненностью. Он словно парил над собственной оболочкой, смутно осознавая, что никогда не принадлежал этому месту и не имел ничего общего с этими людьми.

С противоположной стороны мраморного помоста в окружении плотного кольца телохранителей чинно поднимался другой человек — его давний знакомый.

Ся Мяо.

Специально для церемонии на него надели белоснежное одеяние Святого сына. Руки скрывали тонкие кружевные перчатки, на груди тускло поблескивал платиновый крест на массивной цепочке. На губах Ся Мяо играла мягкая, лучезарная улыбка. В этом образе он казался воплощением непорочности и святости.

Разительный, почти карикатурный контраст с Цю Юньанем, которого притащили сюда в наспех наброшенных грязных обноски.

Они были ровесниками и оба в свое время достигли вершин популярности, но шли к этому совершенно разными путями.

Цю Юньань начинал с самых низов. Годами упорно трудился: сначала на подтанцовках, потом на прослушиваниях, оттачивая актерское мастерство шаг за шагом. Без влиятельных покровителей за спиной ему потребовалось почти десять лет изнурительной работы, чтобы заявить о себе.

Ся Мяо же взлетел мгновенно, стоило ему обзавестись щедрым «спонсором». Стоящий за ним капитал не просто засыпал парня ролями и контрактами, но и создал для него безупречную легенду. Его первые шаги в кино провалились, а слабая игра вызывала лишь насмешки критиков, однако огромные деньги быстро отмыли репутацию начинающей звезды от любого негатива. Ся Мяо устроили постоянным ведущим в популярнейшее телешоу, где он представал милым, остроумным весельчаком, щелкающим интеллектуальные загадки как орехи. Продюсеры также грамотно разыграли карту дружбы с признанным секс-символом страны: фанаты тут же бросились шипперить их «сладкую парочку», что обеспечило Ся Мяо статус топового айдола.

Лишь в узких кругах шоу-бизнеса знали, что каждый его шаг, каждая шутка и импровизация на камеру были прописаны до запятой. Все это — не более чем хорошо отрепетированный спектакль.

Но толпа охотно верила этой лжи.

— Боже, я впервые вижу Ся Мяо вживую! Он гораздо красивее, чем на экране. Никакой фотошоп не передаст этого благородства!

— Как у него получается так держаться? Вокруг конец света, а он светится такой яркой, солнечной улыбкой! Вот каким должен быть настоящий айдол — дарить людям надежду!

— Я сейчас упаду в обморок от его красоты...

Однако этот восторженный лепет стал понемногу стихать, едва Ся Мяо и Цю Юньань поравнялись на помосте.

Безусловно, Ся Мяо был хорош собой. От природы не обделенный внешностью, он довел ее до абсолюта с помощью пластики и лучших косметологов. Безупречно гладкая фарфоровая кожа, точеные черты лица — среди обычных людей он выглядел недостижимым божеством.

Но прямо перед ним стоял Цю Юньань.

Без грамма филлеров, без единого прикосновения скальпеля. Цю Юньань дебютировал в кино еще десятилетним мальчиком, так что все этапы его взросления были задокументированы на пленке. Желтая пресса исходила ядом, пытаясь обвинить его в пластических операциях, но эти слухи рассыпались при первом же взгляде на его детские фото.

Приходилось признать очевидное: в мире рождаются люди, чья красота абсолютна от природы.

Завистники могли смешать имя Цю Юньаня с грязью, придумывать любые небылицы, но они были бессильны перед совершенством этого лица.

Внизу повисла неловкая пауза, после чего зеваки принялись торопливо оправдывать своего любимца:

— Ну ладно, смазливая мордашка у этого Цю Юньаня есть, не спорю. Но в наше время нарисовать красивую внешность — раз плюнуть. Главное-то — это чистая душа!

— Вот именно! Ся Мяо во всем превосходит этого выскочку, чего на лицо-то смотреть? Устроили тут конкурс красоты, идиоты!

— Да и вообще, именно из-за этой морды его и выбрали в качестве жертвенного дара повелителю демонов. Как говорится, за все подарки судьбы в конце концов приходится платить сполна.

Цю Юньань стоял посреди наливающейся багрянцем демонической магической формации, тихонько позвякивая цепями, и смотрел на сияющего триумфатора напротив.

Ся Мяо высокомерно вскинул подбородок, одарил соперника победным взглядом, после чего картинно развернулся к толпе. Он помахал рукой и отвесил собравшимся безупречный, глубокий поклон.

— Смертные братья и сестры! — пафосно провозгласил он в микрофоны. — Коль скоро мне суждено принять сан Святого сына, я клянусь исполнить свой долг до конца! Я не посрамлю этот выбор и принесу нашему исстрадавшемуся миру надежду на спасение!

Толпа взорвалась овациями. Повернувшись спиной к ликующим людям, Ся Мяо вновь уставился на Цю Юньаня. Улыбка на его губах не дрогнула, но голос, прозвучавший так, чтобы его слышал только соперник, так и сочился ядом:

— Раньше пресса постоянно выставляла нас конкурентами. Терпеть этого не мог. Ты, жалкое ничтожество, всерьез думал, что достоин стоять со мной на одной ступени?

Даже сквозь шепот Ся Мяо прорывался с трудом сдерживаемый скрежет зубовой.

Цю Юньань и бровью не вел. Он лишь слегка склонил голову набок, смерив оппонента ленивым взглядом:

— Да неужели?

Ся Мяо раздраженно скривился:

— Что «да неужели»?

— Ну, ты сказал, что презирал наши сравнения из-за моей глупости. Но ведь глупый соперник — это подарок для тебя, на моем фоне ты казался бы гением. Наверное, дело в другом? Просто ты всегда был гораздо уродливее меня и дико бесился, когда нас фотографировали вместе?

Ся Мяо лишился дара речи.

«Как... как можно с таким ангельским лицом нести подобную чушь?!» — в бессильной ярости подумал он.

А главное — этот мерзавец попал в самую больную точку.

В самом начале карьеры им довелось сниматься в одном сериале. Тогда одного известного актера забавляло издеваться над Ся Мяо, бывшим в ту пору лишь бесправным новичком. Цю Юньань, не раздумывая, вмешался и хладнокровно осадил зарвавшуюся звезду, словно риск испортить отношения с влиятельным человеком ради безвестного статиста его ни капли не волновал.

Но Ся Мяо не испытывал к спасителю ни малейшей благодарности.

Он готов был сносить любые унижения, пресмыкаться и терпеть издевательства ради крохотного шанса выбиться в люди. Так почему его ровесник, такой же сирота без связей и покровителей, позволял себе вести себя столь независимо и свободно?

В той дораме они оба играли второстепенных персонажей. Но в редких совместных сценах все взгляды неизменно приковывал к себе Цю Юньань со своей неземной внешностью. Ся Мяо же на его фоне казался лишь невзрачной серой пылью.

Впрочем, все это осталось в прошлом.

Времена изменились. Мир людей лежал в руинах, заполненный монстрами, а он, Ся Мяо — избранный народом Святой сын, который вот-вот покинет это проклятое место и вознесется в Обитель ангелов, навстречу вечному блаженству!

Цю Юньаню же суждено сгнить в самой глубокой бездне преисподней, став кормом для чудовищного повелителя демонов. От него даже костей не останется.

От одной этой мысли Ся Мяо едва сдерживал торжествующий хохот, рискуя выдать свои истинные эмоции перед толпой.

Толпа внизу дружно пала на колени. Небесный разлом над головами вспыхнул ослепительным светом, а земля под ногами ощутимо содрогнулась.

Магические формации засияли в полную силу: одна — чистейшим золотом, другая — зловещим багрянцем.

За секунду до переноса Ся Мяо наконец выплеснул копившуюся годами злобу:

— Я знал, что превзову тебя. Но даже не думал, что это окажется так просто. Ты для меня — пустое место, раздавил и забыл.

Цю Юньаня уже почти целиком поглотило кровавое свечение. Ся Мяо злорадно думал, что соперник, лишенный былой спеси, онемел от ужаса.

Но в глубине багрового пламени лицо Цю Юньаня оставалось безмятежным. Он лишь пренебрежительно хмыкнул:

— Зачитал как заправский рэпер. Рифма зачетная, мне уже пора нажимать на зеленую кнопку?

Ся Мяо ошарашенно захлопал глазами:

— Что?!

И тут Цю Юньань нанес сопернику сокрушительный финальный удар прямо в сердце:

— И вообще, хоть нас обоих и выбрали голосованием, давай признаем очевидное. Твоя святость вполне может оказаться фальшивкой. А вот моя красота — абсолютно настоящая.

Он лукаво подмигнул:

— Ну скажи, разве я не прав?

Свет телепортационных магических формаций вспыхнул сверхновой, и спустя мгновение помост опустел.

Даже когда Ся Мяо почувствовал, что теряет опору и взмывает в невесомости, в его ушах набатом продолжали звенеть слова: «А вот моя красота — абсолютно настоящая... красота — абсолютно настоящая... настоящая...»

Этот негодяй Цю Юньань определенно был его личным проклятием.

Подумать только: великий Святой сын покидал грешную землю под аккомпанемент издевок о собственной внешности!

От подобного унижения Ся Мяо едва не захлебнулся собственной слюной.

<http://bllate.org/book/20304/2118588>